

ЛЮТОМОРА

— Ан Байка —

Ан Байка Лютомора

<https://litres.ru/74137938>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть земли, где лес не просто растёт — он помнит. Помнит каждого. Помнит тех, кто пришёл с добром. И помнит каждого, кто явился с жадностью в сердце. В Ворон-княжестве такой лес стоит испокон веков. Род, что правит рядом с ним, знает — за забытую благодарность придётся платить.

Эта история — о доме, который держится на памяти. О любви, что рождается легко, а испытывается тяжело. О цене, которую назначает сама земля, когда люди решают, что она будет терпеть вечно.

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Дом, который ещё стоит	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лютомора

Пролог

Было это так давно, что и старики не помнят. А если и помнят — то такие байки рассказывают, что слушать приятно, а верить боязно.

Стояло в те годы, среди прочих мелких княжеств, одно — суровое, обособленное, ни перед кем не склонявшее головы. Ворон-княжество. Невелико оно было, да что с того? Иные земли и пошире, а по миру нищенствуют, а тут — крепко и богато. Богато лесами светлыми, реками полноводными, да землёй чёрной. Землёй, что хлеб родит без устали.

На холме над рекой стоял терем. Добротно сколочен. Видно, что не для красоты строен, а на века. Вышки теремные тянулись в небо. Закатное солнце любило играть в слюдяных оконцах. Не сразу и поймешь — то ли закат разлился красным золотом, то ли терем сам светится от собственной гордости. А на берегу реки, у самой воды, лежала роща. Да не простая, а священная. Дубы там стояли в три обхвата. Кроны в самое небо упёртые. Стволы мхом поросшие, как лицо бородой у старика.

Тишина в той роще стояла такая плотная, что и птица не всякая решалась петь. Чувала, что не её здесь голос первый, есть кто познатнее. И не зря. Лес в этой роще всех помнил.

Кто к нему приходил и с чем. Кто приходил с добром — добром же и получал. Да с лихвой. А кто со злым умыслом или жадностью неуёмной — тому лес платил так, что после внукам в пример ставили. Чтобы неслухи на ус мотали да в чашу зря не лезли.

Правил в те годы Ворон-княжеством один род. Крепкий, могучий, не из тех, кто кланяется попусту. Предки его с лесом дружбу водили. Брали по нужде. Уходя — кланялись, благодарили. Роща им за это и платила. То зверем в силках, то ягодой лесной. То водой в колодце, что не пересыхала даже в самый зной, хоть земля вокруг от жары трескалась.

Беда в том, что не всякий сын помнит то, что отцу его лес шептал на ухо тёмными ночами. И не всякий внук бережёт то, что прадед выстрадал понять кровью да терпением. Так и подобрался этот род, сам не заметив, к самой кромке горя.

Правил тогда княжеством Ворон. Человек не злой, не глупый, с окладистой бородой. Тяжёлый взгляд его насквозь прожигал любого, кто пытался соврать. Только память у него, как у многих сильных людей, оказалась короче гордости. О заветах предков он забыл напрочь, будто их и не было вовсе.

Вот с этого и начинается история Рода Ворона.

Часть 1. Дом, который ещё стоит

Жила в Ворон-княжестве девица. Звали её Усладой. Лицом пригожа. Коса русая, тугая, что спускалась плавной змейкой ниже пояса. Будто жила своей отдельной жизнью. Глаза цвета листвы в глубине леса, куда редко достаёт солнце. Неяркие, неброские, а тихие и глубокие. В них хотелось разглядеть что-то большее, чем простое отражение неба. А уж рукодельница такая, что слава о ней бежала по всей округе впереди неё самой.

Встретил её как-то на берегу реки княжич Лесьян. Услава, подняв глаза от воды на стук копыт, увидела сперва тень всадника на берегу, а после — и его самого. Был он высок, плечист. Тёмные, почти чёрные волосы, что вились крупными кольцами. Как ни старался зачёсывать их по-княжески ровно, они спадали на лоб. Глаза карие, с блеском, что выдаёт человека, привыкшего скорее действовать, чем размышлять. Усмешка кривила губы чаще, чем полагалось княжичу. Весь мир казался ему забавным, немного податливым. Стоит только захотеть достаточно сильно.

До того непохож на неё саму, что на миг показалось — будто два разных леса встретились на одной опушке. Один — солнечный, полуденный. Другой — ночной, дремучий.

Поехал коня поить, а уехал без сердца своего. Осталось оно у девицы в руках. Потерял всяк покой. Не ест, не спит

толком. Всё бродит по терему. Задумчивый, тихий, сам на себя не похожий. Мать-княгиня подумывала позвать знахарку, решив, что сына хворь одолела.

— Не хворь это, матушка. А любовь. Рукодельница Услава сердце припрятала, — признался княжич.

Княгиня Гордея выслушала сына, покивала — и сразу пошла к Ворону.

— Душа моя, — сказала, склонив голову к плечу мужа, — не захворал наш Лесьян. Полюбило его сердце. Оттого и покоя нет. И сон от него бежит, как от огня.

Князь напрягся, погладил бороду, задумался. Молчал долго. Гордея засомневалась, не задела ли чем мужа.

— Ты не сердись понапрасну, — заговорила она снова, не дожидаясь ответа. — Сыну уже пора жениться. А тут всё так удачно складывается! Слышала я про эту Усладу. Девушка ладная, статная. Рукодельница — другой такой во всём княжестве не сыщешь. Нянька её, Мила, мне столько про неё порассказала, что и у меня сердце дрогнуло. И с тканями управляется. Хлеб печёт, что запах на весь терем расходится. А с детворой ладит легко. Не девица, а настоящее сокровище. Подумай, подумай, я не тороплю. Только знай — Лесьян наш не отступится. Уж я-то вижу. Твой характер в нём сидит. Упрямый.

Сказала так — и ушла, оставив Ворона одного с его мыслями.

***

А в гостевом зале поутру ходил взад-вперёд Лесьян. Уж не находил себе места ни в ногах, ни в сердце. Служанка велела дожидаться отца. Да только где там? Терпения в молодом княжиче не было ни на грош. Он совсем было решился сам сорваться к отцу в покои. Как вдруг дверь отворилась, и в зал вошёл сам Ворон. Сел на трон. За ним вошла вся свита: волхв, княгиня Гордея, воевода Сокол, да старейшины знатных родов.

Гордея, проходя, бросила сыну тёплый взгляд — и встала по правую руку от мужа.

— Отче! — Лесьян подался к отцу. Тот остановил его одним движением руки. Княжич так и замер на полушаге.

— Доброго дня, сын мой, — заговорил Ворон. Голос его прокатился по залу, как гром, что только собирается разнестись по небосводу. — Матушка твоя рассказала про твоё дело. Я думал всю ночь. И вот к чему пришёл. Даю своё согласие на брак твой с Усладой Рукодельницей. Но есть условие. Она должна родить в течение года после свадьбы. Девушка, может, и статна, и ладна, и рукаста — но только первый год покажет, годна ли она носить имя нашего рода. Быть женой в Роду Ворона — дело не из лёгких. Принимаешь условие — начинайте сватовство и готовьтесь к свадьбе.

— Отче, — выдохнул Лесьян. В голосе его не было и тени сомнения, — да, отче! Принимаю!

Князь поднялся с трона, подошёл к сыну. Обнял его крепко. Гордея украдкой смахнула слезу краем рукава. А сын,

отпустив отца, шагнул к матери и обнял и её — благодарно, тепло.

Сватался Лесьян по всем правилам, как заведено. Свадьбу сыграли по осени. С песнями и хмельным мёдом, что лился по теремным залам, как река в половодье. И вошла Услава в терем хозяйкой — не по крови княжеской, а по сердцу мужнину, что для неё одной билось.

И жила Услава легко. Насколько вообще может жить легко молодая жена в чужом, непривычном тереме. Поначалу всё казалось ей холодным и гулким после тихого домика отцовского у реки. Стены высокие. Эхо бродит по залам. Чужих голосов не сосчитать. Да не из тех была девица, кто пасует перед размером. Взялась за дело быстро. То лён с девушками теремными прядёт. То новый узор княгине Гордее показывает — та так и ахает каждый раз. Всё больше лесные узоры выходили у Услады. Будто сама роща через её пальцы нить тянула да рисовала, что ей вздумается.

Полюбила её и челядь, и старые няньки теремные. Даже воевода Сокол, человек суровый, не улыбочивый, что слова доброго отродясь никому не говорил, обронил как-то при всех:

— Эта хоть в терем радость принесла. А не одни заботы, как иные невестки приносят.

Только сама Услава этого не слышала. И не знала, что слово воеводы дошло до князя. Ещё одна гирька на чашу, что должна была решить, годна ли невестка роду или не годна.

Лесьян же, зная отцовское условие, считал месяцы тайно. От того временами становился задумчив, рассеян. Услада это подмечала, да причину угадывала неверно.

— Не люба я тебе стала? — спросила она его как-то вечером, разбирая его кудри пальцами. Лесьян лежал на её коленях, глядя в потолок невидящим взглядом. Он вздрогнул, точно его вытряхнули из дрёмы, обернулся к ней, обнял крепко.

— Люба мне ты так, что слов не хватает, Услада, — сказал он. А потом, чтобы не сорвалось с языка лишнее, добавил со смехом, что вышел не совсем естественным: — А коли задумчив — то оттого, что зима скоро. Дружину снаряжать пора. Дела княжьи покоя не дают.

Только у Услады на душе всё равно осталось смутное беспокойство. Объяснить себе она не могла — будто кошка поскребла где-то внутри да затихла.

Минула зима. А к весне, когда сады в Ворон-княжестве зацвели так буйно, что воздух мёдом тянуло на версту, случилась радость в семье. Кинулась Услада к мужу, не дожидаясь ничьих советов. Счастливая, заплаканная от радости, что и слов не находила. А тот, услышав весть, не сдержался. Заплакал и сам, прижал её к себе бережно, но крепко. Долго не отпускал, не в силах вымолвить ни слова.

— Что с тобой, Лесьян? — смеялась она сквозь свои же слёзы. — Будто не дитя я ношу, а саму судьбу переломила.

— Переломила, — только и сказал он, целуя её макушку

снова и снова. — Переломила, любимая моя.

Той же ночью пошёл княжич к отцу.

— Сбылось, — сказал, едва переступив порог. Старый Ворон кивнул. Без улыбки, но и без укора. Словно запись в счётной книге наконец сошлась, как полагается.

Гордея, узнав весть, всплакнула украдкой. А потом кинулась прикладывать к невестке все обереги, что только нашлись в тереме. А через положенный срок родилась Мирьяна — крепкая, горластая, русая, как мать. И с того самого дня сам князь Ворон, глядя на внучку, впервые назвал Усладу не «девицей рукодельной», а просто — «дочерью».

***

Часто ходила Услава с дочерью к роще прогуливаться. Сама любила бывать там в девичестве. И куда привела Лесьяна за руку, едва тот заговорил о свадьбе. Мирьяне в ту пору шёл второй год. Сидела она на материнских руках крепко. Цеплялась пальчиками за ворот рубахи. А глазёнками так и стреляла по сторонам, провожая каждый лист, что падал с веток. У старого дуба, что рос у самой опушки, встретила Услава няньку Любомилу. Ту, что качала на руках ещё мать Лесьянову, а теперь вот и Мирьяну. Мудрости в старухе было больше, чем седых волос на голове. А седины этой хватало с лихвой.

— А, краса моя, — улынулась Любомила. — С Мирьянушкой гуляешь?

— С ней. Любит она, когда листва шумит.

— Любит, любит, — закивала нянька, да вдруг посерьёзнела. Глянула на кроны, что покачивались высоко над их головами. — Ты вот тоже любишь сюда хаживать. А знаешь ли, отчего роща эта священной зовётся?

— Оттого, что дубы старые, — пожалала плечами Услава.

— Не оттого, — Любомила понизила голос, будто роща могла услышать да обидеться на пустое слово. — Лес здесь не простой. Он помнит. Всякого, кто под его крону придёт. С добром или со злом. И счёт ведёт. Долго ведёт. Не как мы, люди, что сегодня обидимся, завтра забудем. Лес не забывает.

— И что же, платит за обиды?

— Платит, — Любомила поглядела на дитя, потом снова на кроны. — Только не сразу. Может, год пройдёт, может, десять. А потом — спросит. Вот только как — одному ему ведомо.

Услава невольно прижала дочь крепче. Что-то в этих словах царапнуло по сердцу. Не страхом, а предчувствием. Тем самым, что приходит не из головы. А из чего-то более древнего, бабьего. Чему и сама не найдёшь объяснения.

— Страшно говоришь, Любомилушка.

— Не страшно, а правдиво, — пожалала плечами старуха. — Я тебе не пугать хочу. А уберечь. Не лезьте к роще без нужды. Да поклон не забывайте отдать дубу старшему. Он здесь первый хозяин. А не князь наш.

Услава кивнула.

Вечером Мирьяна уснула быстро, разморённая дневной прогулкой. Услава сидела у окна, расплетала косу перед сном. Лесьян лежал на лавке, заложив руки за голову. Глядел в потолок с тем самым довольным видом, какой бывает у мужа, что день прожил славно.

— Лесьян, — позвала мужа, не оборачиваясь.

— М?

— Любомила нынче рассказывала про рощу. Что лес счёт ведёт. Не забывает обид.

Княжич усмехнулся, перекатился на бок. Посмотрел на жену с нежностью.

— Старая сказка. Бабки наши такими детей малых пугали. Чтоб в лес одни не лазили да медведю на зуб не попали.

— А если не сказка?

— Лес — не человек, Услава. Обиды не помнит, корысти не знает. Дерево что дерево. Стоит, пока стоит. А упадёт — туда ему и дорога. Новое вырастет.

Она обернулась. Посмотрела на него. Доброе, открытое лицо, руки, что днём держали лук, а вечером так осторожно держали дочь. И подумала, что спорить дальше глупо. Не потому что он прав, а потому что любит она его слишком, чтобы тащить свою тревогу в его покой.

— Может, и сказка, — сказала она тихо, подходя к лавке.

Лесьян притянул к себе, обнял. И в этой тёплой тишине тревога её отступила. Не ушла совсем. А просто легла рядом. Тихая, ожидающая своего часа. Этой ночью Услава спа-

ла спокойно. И не знала она, не могла знать, что тишина та — последняя, что добром даётся в этом доме. А роща у реки стояла, как стояла века, и слушала. И ждала. Не зла, не добра — просто своего срока.

***

Срок этот пришёл скорее, чем кто-либо в тереме мог подумать.

Собрал князь Ворон совет. Не по мелочному делу, а по тому, что давно его тревожило. Но только сейчас созрело до решения. Сошлись в большом зале все, кто по праву собираться должен. Был там и волхв, и воевода Сокол, и старейшины родов. И Лесьян, как сын и наследник Ворон-княжества.

— Земли нам не достаёт, — начал Ворон без долгих предисловий, расхаживая перед собравшимися. — Поля узкие. Лес рубить надобно. Пашню расширить, корабли построить. Торговать будем с соседями. А не довольствоваться тем, что есть. Решил я — рубить рощу священную. Дубы там — каких больше нигде во всём княжестве не сыщешь. Из такого леса корабли строить — века простоят.

По залу прошёл шёпот. Старейшины переглядывались. Кто хмурясь, кто кивая одобрительно. Земли да корабли всякому по сердцу, кто о богатстве думает. Но тут поднялся волхв. Старик сухой, тощий, с посохом, что был при нём, казалось, дольше, чем сам князь на свете жил. Поднялся и упал на колени прямо посреди зала.

— Княже, не делай этого, — заголосил он хрипло, но внятно. — Роща та не простая. Лес там — живой, помнящий. Предки твои не зря его не трогали. Возьмёшь больше, чем дозволено, — расплата придёт. Не сегодня. Может, и не завтра. Только придёт. И спросит не с тебя одного.

Ворон глянул на старика сверху вниз — не зло, но и без снисхождения.

— Старые сказки, волхв. Леса по всему свету рубят. Корабли строят. Поля распахивают. А ты мне пророчишь беду за то, что я своему роду богатство добываю?

— Не за богатство, княже. За жадность.

— Довольно, — отрезал князь. В голосе его прозвучала власть, коей он обладал по праву наследования Рода. — Решение принято. Завтра же дружина пойдёт рубить.

Лесьян, что всё это время стоял молча рядом с отцом, кивнул. Поддержал без раздумий. Молод был, горяч, верил в отцовскую правоту, как верят сыновья. Не доводилось ему ещё видеть, как оборачивается отцовская неправота.

— Лес — не человек, отче, — сказал он негромко, скорее себе, чем кому-то, повторяя те же слова, что не так давно говорил жене. — Нет у него памяти.

Волхв услышал. Поднял на княжича глаза старые, усталые. Отразилась в них не злость, а жалость.

— Дай, Лада, чтобы ты оказался прав, княжич, — сказал он тихо. — Да только боюсь, не окажешься.

Никто его больше не слушал.

На следующее утро дружина с топорами двинулась к роще. Шли молча. Тишина, что стояла в роще, заставляла людей говорить тише, ступать осторожнее. Только топоры в руках блестели на солнце холодно, отчётливо. Подошли к старому дубу, что стоял в центре рощи. Кора его была толстой, узловатой. Первый удар топора прозвучал глухо. Дуб не вздрогнул. Второй удар — то же самое. А на третий, когда щепа брызнула в стороны крупными белыми кусками, лес вдруг ожил. С верхних веток поднялась стая птиц. С таким пронзительным криком, что у мужиков мурашки побежали по спинам. Кружили над рощей долго. Не садились, будто прощались. А потом потянулись прочь. К дальнему лесу. И больше в эту рощу не возвращались.

Дуб рубили долго — не один час. К полудню последний удар пришёлся в самое сердце ствола. Великан застонал — протяжно, утробно, как стонет старик, которого подняли против воли с одра. И рухнул, ломая по пути ветки соседних деревьев. Вздывая землю и пыль такую, что солнце на минуту померкло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.